
От редакции

Е. Н. Пенская

О ХАРАКТЕРЕ НАШИХ ДИСКУССИЙ ВООБЩЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ В ЧАСТНОСТИ

*Обсуждение журналистского
образования как универсалии и ремесла*

Рубрика «Полемика», «Споры», «Обсуждения» (возможны варианты в подборе синонимов) — обязательный раздел в любом солидном, уважающем себя издании. «Идеальная» дискуссия в периодике предполагает три составляющие. Первая — обсуждение актуальной темы, формирующей повестку дня. (Иногда даже академические «толстые» журналы не брезгают информационным поводом и спустя время в своем медленном аналитическом режиме проводят «обсуждение второго ряда», учитывающее все линии и пунктиры предыдущих «быстрых» дискуссий, споров-однодневок, проходивших в СМИ. И в таком виде тема, вызвавшая полемику, выглядит более выпуклой, обобщенной. В ней расставлены другие, несиюминутные акценты.) Вторая составляющая — «мозговой штурм» с участием специалистов, экспертов для разработки набора предложений, пакета решений, конкретных подходов к острой проблеме. Третья составляющая, скорее, «эпическая», латентная. Она сопровождает темы, входящие в категорию «действующих вулканов», постоянных очагов возгорания, то спокойных и потухших, то снова объятых пламенем. Распространение этих дискуссионных «пожаров» не всегда можно проследить: иногда они связаны с обсуждением какой-то локальной ситуации, правда имеющей системное значение: к примеру, принят новый законопроект, образовательный стандарт. Иной раз поводом могут стать «частные инициативы», в перспективе предполагающие серьезное структурное воздействие на профессиональный рынок и образовательную сферу.

Дискуссия о медиаобразовании с условным названием «Медиафакультет будущего», представленная в данном номере,

наверное, относится к последнему виду. Она любопытна с трех точек зрения:

- как тип обсуждения одного из многочисленных и очень сложных срезов профессионального образования в целом, среза, пребывающего в ходе реформ последних десятилетий в «подвешенном» состоянии, болезненно осознающего собственную «промежуточность», напряженно ищущего свое место между средним уровнем (колледжем, техникумом) и высшим (институтом, академией, университетом), между ремеслом, творчеством и наукой, практическими навыками и фундаментальными знаниями;
- как тип «пограничного», «матричного», междисциплинарного, политематического разговора, имеющего долгую историю в Европе и Америке на протяжении всего XX столетия, а в России постсоветской блуждающего в разных профессиональных средах, то уходя в тень, то снова возвращаясь в центр общественного внимания;
- как интересный «спектакль», в котором поведение действующих лиц, сценарий, режиссерское решение, соответствие замысла беседы ее воплощению сами могут стать предметом анализа и показать стратегии обсуждения, наши дискуссионные практики, наглядно проявившиеся в данном случае.

Следует оговориться, что стенограмма отчасти упрощает разговор, происходивший на самом деле. В реальности, насколько можно судить по расшифровке, беседа носила естественный, отчасти сумбурный характер, но за счет хаотичности она была, может быть, более объемной, разнообразной, она наметила важные темы, не получившие развития и не отраженные в тексте. Поэтому отредактированная расшифровка фокусируется на какой-то одной медиаобразовательной линии, соединяет наиболее «горячие» точки, акцентирует наши несовпадения с европейской, американской традицией, попытки догнать, встроиться, учесть принятые стандарты, понять собственные преимущества и затруднения и в конце концов в очередной раз «изобрести велосипед».

Почему важна данная дискуссия при отсутствии видимых информационных поводов? Ведь на первый взгляд ничего революционного в сфере журналистского образования, медиаобразования не происходит. Думается, что поднятая тема актуальна, как никогда, в эпоху разрастающегося виртуального пространства, блогосферы, захватывающей все более широкие слои и возрастные категории, усложняющейся паутины социальных сетей. Вторжение массмедиа в сферу культуры, быта, образования давно уже стало практически тотальным, их воздействие нередко агрессивно, а потому опасно в своей бесконтрольной непредсказуемости. Российские и зарубежные специалисты, анализирующие инциденты, спровоцированные

СМИ, — нередкие случаи самоубийств тинейджеров, молодых людей постшкольного возраста — рекомендуют разрабатывать и вводить специальные образовательные программы, обучающие правилам безопасного и грамотного поведения в медиасреде, пониманию ее устройства, выстраиванию системной защиты [Rosen, 2010]. «Перед теми, кто занимается медиа, настоящий вызов: он будоражит и тревожит. Возможна ли интеграция человечества при помощи СМИ? Я, конечно, понимаю, что не только в СМИ дело, существует множество других форм передачи информации. Семья, школа, церковь — это только самые известные. Но не надо забывать, что современные технологии породили нечто поразительное... новую информационную среду обитания человечества, и работа в ней становится совершенно самостоятельной и, может быть, важнейшей гуманитарной задачей» [Быстрицкий, 2009].

Вот об этой новой среде обитания, о возможностях построения навигации в ней, столь необходимой, чтобы жить, правильно пользоваться средствами информации, а не погибать в мире массмедиа, идет речь. Поэтому отдельные вопросы, поставленные участниками круглого стола, — что такое факультеты журналистики сегодня, чему и как там должны учить, как действовать в отсутствие внятных моделей, стандартов, скоординированных с принципами Болонской системы, — не только важны для уточнения состояния дел в отдельно взятом профессиональном секторе, для прояснения сложных взаимоотношений между медиаобразованием и журналистским образованием, но и выводят к осознанию фундаментальных проблем: медиа стали мощным фактором, диктующим свои законы системе просвещения; виртуальность современной вузовской, университетской культуры — знак масштабных изменений, произошедших вследствие вторжения медиа, обустройства медийной реальности. Игнорировать эти системные сдвиги нельзя, но и оценить их в полной мере невозможно по многим причинам, в том числе из-за отсутствия исследований в сфере массмедиа, аффилированной с образованием.

В дискуссии «Медиафакультет будущего» затронуты несколько ключевых коллизий, но так, что они оказываются в чистом, «девственном» информационном пространстве, сохраняющем иллюзию первичности сюжета, несмотря на то что номинаторы проблем — матерые завсегда и круглых столов, искушенные в междисциплинарной коммуникации.

Напомним вкратце основные ее контуры.

Разговор о феномене журналистского образования в Америке старше, чем в Европе, на несколько десятилетий. Точка отсчета — 1870–1880-е годы. Инициатор обсуждения — издатель Джозеф Пулитцер, ключевая фигура, сыгравшая беспримерную роль в становлении американской журналистики. Парадокс, но именно Пулитцер — яростный враг какой-либо специальной «школьной» программы подготовки тех, кто пополнит журналистский цех. Но уже в 1904 г. Пулитцер выделил 2 млн долл. на создание Высшей школы газетного дела (Columbia School of Journalism) в Колумбийском университете и пояснял, что подобная школа в Соединенных Штатах необходима так же, как высшие инженерные, медицинские и другие специальные училища. Журналистская школа в начале прошлого века затевалась как отраслевая ячейка специального образования, приравненная к институтам, обучающим другим профессиям, востребованной обществом. В начале XX в. высшее журналистское образование получило развитие также в Германии, Франции, Италии, Великобритании, Японии, Китае и других странах.

К этому времени в Европе и Америке сформировались две основные системы подготовки профессиональных журналистских кадров: во-первых, обучение в специальных учебных заведениях — на отделениях журналистики при университетах и в самостоятельных школах журналистики, во-вторых, подготовкой кадров занимались индивидуально и в самих редакциях СМИ. Эта «трехтактная модель» сохраняется и поныне, но при всей ее апробированной стабильности сегодня она вызывает острейшие дискуссии. К ним мы еще вернемся.

В России журналисты, издатели, общественные деятели к проектам создания специального учебного заведения для подготовки журналистов, за очень редким исключением, относились отрицательно. Немногочисленные в тот период сторонники профессиональной подготовки журналистов пытались доказать своим оппонентам, что школы журнализма не претендуют на роль питомников для искусственного разведения журналистов.

Следует учитывать, что полноценно осознанной, зафиксированной, проанализированной истории журналистского образования в нашей стране не существует. Мы можем опираться лишь на самые общие, поверхностные сведения, которые сводятся к тому, что в конце 1940-х годов в нескольких университетах партийным решением были созданы газетные отделения, а в 1950–1960-е годы — факультеты журналистики. Стандарт высшего журналистского образования, включавший изучение в течение пятилетнего цикла общественных, экономических и филологических дисциплин, а также специальных и прикладных, не пересматривался многие десятилетия. Для журналистов, как и для обучающихся другим профессиям, была предусмотрена обязательная производственная практика. Приток в журналистику тех, кто получил иное образование, активизировался в 1960–1970-е годы и стал «параллельной нормой». Подтверждают эту тенденцию цифры: во Франции, к примеру, только 16% работающих журналистов имеют профильное образование, в США — 45–50%.

Коллизия первая. Журналистское образование попадает в эпицентр наиболее длительных, пересекающихся, конфликтных социокультурных и политических дискуссий

Коллизия
вторая.
Хронологи-
ческие и со-
держатель-
ные харак-
теристики
российских
журналистско-
образова-
тельных дис-
куссий

Несмотря на общее отставание, за последние 20 лет в поле- мическом деле мы смогли догнать и в чем-то перегнать западных и американских коллег по цеху.

Если коротко, ход этой дискуссионной истории совпадает с эта- пами революционной перекройки всей медиасистемы последних десятилетий XX в. — «эпохи нулевых» — и приблизительно выгля- дит так.

Конец 1980-х, начало и середина 1990-х годов — период «бури и натиска» в сфере журналистики, и соответственно растет на- кал кулуарных разговоров о критериях подготовки кадров для СМИ, о том, чему и как учить будущих редакционных сотрудников. Растерянность и вместе с тем азарт тех, кто делал СМИ в те годы, поиски виновных в удачах и провалах не в последнюю очередь обо- рачивались законными и незаконными претензиями к традицион- ному образованию на факультетах журналистики.

Конец 1990-х, 2000-е — тяжелое кадровое состояние медиарын- ка, его трудную реструктуризацию наблюдатели и ведущие «игро- ки» напрямую связывают с глубоким и травматическим отставани- ем в сфере образования в целом и журналистского в частности.

Здесь уместно сделать отступление, возвращающее нас к дис- кussionи «Медиафакультет будущего», представленной в нашем но- меру. В самом начале разговора модератор Александр Морозов, руководитель Центра медиаисследований, намечает для собесед- ников сюжетное меню обсуждения, и среди обязательных тем, ожи- дающих пересмотра или какого-то отношения со стороны участни- ков, он называет одну очень важную: жесткую полемику о том, кто и как готовит журналистов, опубликованную несколько лет назад в журнале «Эксперт». Это предложение осталось нереализован- ным, поскольку то ли из-за нехватки времени, то ли по каким-то другим причинам участники его «не услышали», а ведущий «забыл» или не счел нужным к нему возвращаться — может быть, потому, что разговор и сам по себе получился интересным, да и разво- рачивался в другой логике, не особо нуждающейся в ретроспек- тиве. Тем не менее по своему замыслу, составу, кругу вопросов мероприятие предполагало внутреннюю «рифмовку» со своими предшественниками.

Между тем попробуем все же «восстановить порванную связь времен».

Статья А. Тимофеевского «Факультет ненужных вещей» была опубликована в журнале «Эксперт» в 2005 г. и произвела эффект раз- рывавшейся бомбы [Тимофеевский, 2005]. Тезисы автора просты: выпускники журфака МГУ непригодны к профессиональной работе, скорее всего, они ни к чему не пригодны; человеческий «продукт», выходящий из стен МГУ, ни в каком качестве не отвечает усло- виям, сложившимся на рынке труда к концу 1990-х. Собственно, вся статья — это хлесткое описание последствий журфаковско- го образования, с которыми автор как работодатель сталкивался на протяжении ряда лет, смертельный диагноз и предостережение

в конце: умные руководители СМИ журфаковцев на работу стараются не брать. В конце статьи подверстка «От редакции»: «Статья Александра Тимофеевского, конечно, не является исчерпывающим исследованием положения дел на журфаке (на что, собственно, указано и в самой статье). Далеко не со всеми утверждениями автора можно согласиться, в частности по поводу гуманитарного образования. На журфаке действительно очень неплохая филологическая школа, а среди преподавателей филологических дисциплин есть настоящие звезды. И если спрашивать не редакторов СМИ, а сотрудников Института мировой литературы, то их мнение о выпускниках журфака будет весьма высоким. Впрочем, все эти поправки не отменяют (а скорее, даже подтверждают) главную обозначенную автором проблему: журфак МГУ выпускает очень плохих журналистов. И это действительно повод для разговора. Для серьезной дискуссии о том, как изменить положение дел в главном вузе страны и в принципах подготовки журналистов. Дискуссии тем более актуальной, что она и без того запоздала. Сегодня СМИ еще худо-бедно живут за счет ресурса поколения, пришедшего в журналистику в начале-середине 90-х, но на завтра этого ресурса очевидно не хватит. А учитывая рост рынка СМИ, это самое «завтра» может случиться очень скоро».

На самом деле «завтра» случилось несколькими годами раньше, чем вышла статья А. Тимофеевского и редакция написала свой прогноз. Образовательные структуры спохватились раньше и, угадав ожидания рынка, наплодили немало подразделений, инновационных и современных на словах, а на деле клонирующих журфак. В начале 2000-х годов все испытывали эйфорию и легкость в действиях и мыслях необыкновенную. Сам А. Тимофеевский должен был в то время то ли возглавить подобное новаторское начинание одного из высших учебных заведений, то ли войти в руководящий состав. Но дело на образовательной ниве кончилось в ту пору ничем, зато появилась публикация.

Следующий шаг не заставил себя ждать, поскольку резонанс данного материала превзошел, наверное, ожидания редакции и автора. Сообщество образовательное и журналистское, тесно сросшееся в обсуждении темы, расколосось. Многие обиделись, расценив провокацию А. Тимофеевского как личное оскорбление. Началась цепная реакция, поведение включенных в которую — отдельная тема, заслуживающая самостоятельного исследования, психоаналитического в том числе. Несколько месяцев полыхал пожар войны в блогосфере, сетевых и печатных СМИ, на радио. Разбору статьи была посвящена передача «Переходя на личности» на радиостанции «Эхо Москвы». В высказываниях и позиции ведущей программы Людмилы Телень отчетливо проявилась одна из преобладающих трактовок — конспирологическая: текст заказной, направлен на дискредитацию и увольнение декана факультета Ясена Засурского, бессменного руководителя, отца-основателя факультета, пребывавшего к тому времени в этой должности сорок

лет, а статья Тимофеевского абсолютно недостоверна и написана вопреки всем принципам современной журналистики¹. Разговор шел в обвинительных тонах. К ответу был призван главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев, который объяснял, что материал не претендует на авторитетное исследование, а в статье сформулировано личное мнение автора.

Далее в дискуссию включились другие СМИ («Новые Известия», «Русский журнал», «Полит.ру» и др.), полемика втягивала все больше заинтересованных субъектов, однако по мере расширения границ она все больше сужалась содержательно и переходила на личности. Центральной площадкой полемики долгое время оставался журнал «Эксперт». В нем была опубликована статья Валерия Иваницкого, доцента факультета журналистики МГУ, «Поезд ушел». Он констатировал бессмысленность пикировки и перевел разговор в другое русло: рост СМИ за последние годы настолько бурный, что все факультеты журналистики, вместе взятые, в ближайшее время не смогут удовлетворить кадровый голод [Иваницкий, 2005]. В статье колумниста Максима Соколова «Университет и ремесленное училище» вопрос уже стоял шире: совместима ли с фундаментальной основой университета прикладная специализация неясной природы. «Исторически появление такой диковины, как факультеты журналистики, легко объясняется. С одной стороны, общемировая тенденция к демократизации образования, когда прежний обычай разделять разные типы учебных заведений представляется недопустимым. “В ремеслухе живи да тужи” — это обидно, пускай теперь и ремеслухи называются университетами. С другой стороны, в СССР в какой-то момент сочли странным, что кадр для коллективного агитатора, пропагандиста, а также организатора формируется не в специальных местах, но абы как — почти по В. Е. Яковлеву. Учить на коллективных организаторов в ремесленных училищах тоже как-то неприлично, стало быть, устроим это дело в университетах. Исторически объяснимо, но практически — не слишком. Смысл есть в фундаментальном университетском образовании и в краткосрочных курсах для тех, кого привлекает вторая древнейшая. А смешивать два этих ремесла...» [Соколов, 2005].

Косвенным следствием этой медийной войны можно все же считать реальные перемены в этом образовательном секторе: внешнюю и внутреннюю модернизацию факультета журналистики МГУ, завершившуюся уходом декана-патриарха на пост президента факультета² — должность, введенную ректором МГУ специально с подобной ритуальной и дипломатической целью, — назначение нового декана из круга лиц, близких прежнему руководителю.

¹ Переходя на личности // Эхо Москвы. 2005. 27 декабря. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/perehody/40814/>

² Я спросил у Ясена. Интервью с Ясеном Засурским // Эксперт Online. 2007. 23 ноября.

Новое лицо, правда, продолжало прежние традиции и «семейную» преемственность.

Следует отметить в целом, что вторая половина 2000-х отмечена динамичными изменениями в сфере журналистского образования:

- появились новые факультеты в региональных университетах (их количество по сравнению с предыдущим десятилетием увеличилось в 2–2,5 раза);
- произошло выравнивание, обновление образовательных стандартов, были сбалансированы в учебном процессе теоретические, общеобразовательные и практические дисциплины;
- действующие современные «игроки» крупного и среднего калибра, представители рынка и медиабизнеса пришли в учебные заведения, за счет чего произошло приближение обучения к реальным условиям рынка.

При всем скепсисе, который свойствен позициям наблюдателей за ходом дискуссий тех лет, все же стоит признать, что публичное обсуждение образовательного процесса на журфаке МГУ сыграло свою роль и послужило одним из средств предъявления обществу прежде закрытых, табуированных тем.

В результате дискуссии и последовавшей за ней реструктуризации образовательного поля сложилась общая модель «изготовления универсального специалиста, способного быстро перекалибрироваться и найти свое место в любых СМИ». Выпускники Московского, Уральского, Челябинского, Воронежского и любого другого университета или академии, столичных и региональных, частных и государственных структур получают в ходе обучения примерно одни и те же навыки и компетенции.

Восстановление контекста, утраченного в ходе работы круглого стола «Медиафакультет будущего», помогает, во-первых, заполнить «исторические провалы», а во-вторых, воспользоваться дискуссией 2005–2007 гг. и дискуссией 2010 г. как показательными измерителями общей динамики.

Важной чертой всех упоминаемых здесь событий является открытый, а не клубный характер обсуждения, которое не только воздействовало на локальные точки (журналистское образование, журфак МГУ, неудовлетворенность сугубо частными моментами), но и способствовало постепенному переходу к универсальному осмыслению того, что есть медиаобразование, какое место обучение журналистике как отдельной профессии занимает внутри более общих, масштабных сфер, как выстраивать в новой ситуации гуманитарные задачи.

Коллизия
третья.
Междуна-
родный кон-
текст. Син-
хронность
проблем,
артикулиро-
ванных за-
падноевро-
пейскими,
российскими
и американ-
скими экс-
пертами

Примечательно, что кульминация международных и российских дебатов, связанных с факультетами и школами журналистики, пришлось на 2005–2007 гг. и констатировала кризис не только профессионального, но и ключевых аспектов гуманитарного образования в целом.

В это время в стенах Колумбийского университета (Нью-Йорк) прошла масштабная дискуссия, посвященная пересмотру всей системы медиаобразования. В ней принимали участие несколько десятков ведущих профессоров, адъюнкт-инструкторов, руководителей программ, одновременно занимающих лидирующие позиции в Америке. Поводом для этого форума стало назначение нового президента Колумбийского университета, предложившего новый модус интерпретации журналистики и журналистского образования в XXI в.: «Научить журналистскому мастерству — достойная, но явно недостаточная цель в этом новом мире, тем более в условиях большого университета». Предельно четкая формула структурировала дискуссию.

На наш взгляд, в ходе содержательных и напряженных дебатов, столкновения разных точек зрения собравшимся удалось прояснить сценарий и стратегию действий: «Первым шагом на пути к пересмотру программ по обучению журналистике могло бы послужить признание того факта, что серьезная журналистика во всех своих жанрах и формах сама по себе является интеллектуальной деятельностью. Хотя она может опираться на традиционные академические знания, у нее, как у интеллектуального предприятия, есть собственный, специфический характер: по своей природе журналистика — это междисциплинарное исследование настоящего, которое ведется не на страницах научных журналов, но на неспециализированном поле публичной беседы. Серьезный журналист по определению является той самой фигурой, которую так активно обсуждают в академических кругах, а именно публичным интеллектуалом. Мастерство должно быть присуще всем видам журналистики — как, например, и всем видам науки, — но это лишь средство для достижения определенной цели, и эта цель — ведение богатой нюансами, сложной и разносторонней публичной беседы о современных делах. Как может журналистское образование послужить этой цели? Вот фундаментальный вопрос, на который должны дать ответ как программа Колумбийского университета по журналистике, так и все прочие подобные программы»³.

Таким образом, «Медиафакультет будущего»-2010, теряя контексты и одновременно реконструируя их, расставляет важные акценты, суть которых заключается в следующем: журналистское образование, журфак или школа журналистики как замкнутая автономия — явление архаичное, исчерпанное, уходящее в область мифов; медиаобразование, контуры, содержательное наполнение, форматы которого пока не ясны, предположительно должно стать

³ Другие цели. Дискуссия о журналистском образовании // Русский журнал. URL: <http://russ.ru/pole/Drugie-celi>. 2007.19.11.

доминирующей средой обучения и сотрудничества потребителей и поставщиков медийных продуктов.

Но главное — изменения в современной информационно-коммуникационной среде настолько существенны и стремительны одновременно, что их воздействие нельзя не учитывать в процессе трансформирования всей образовательной системы, все больше приобретающей коммуникативный, исследовательский, междисциплинарный характер. Медиаобразование как целое и журналистское образование как его подчиненный элемент должны стать основным катализатором этой интеграции специализаций, корректирующей предметные ограничения. Вследствие этих процессов университет превращается в открытую корпорацию, выстраивающую свои мощные информационные, медийные и исследовательские ресурсы.

1. Быстрицкий А. Г. Новые облака. Современные медиа как создатели Вавилонской башни // Независимая газета. 2009. 9 февраля.
2. Другие цели. Дискуссия о журналистском образовании // Русский журнал. URL: <http://russ.ru/pole/Dругie-celi>. 2007. 19.11
3. Иваницкий В. Поезд ушел // Эксперт. 2005. № 48. С. 20–22.
4. Переходя на личности. // Эхо Москвы. 2005. 27 декабря. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/perehody/40814/>
5. Соколов М. Университеты и ремесленные училища // Эксперт. 2005. № 49. С. 27.
6. Тимофеевский А. Факультет ненужных вещей // Эксперт. 2005. № 47. С. 24–26.
7. Щепилова Г. Кадры СМИ: проблема для размышления // Журналистика и медиарынок. 2006. № 2–3. С. 17.
8. Я спросил у Ясена. Интервью с Ясеном Засурским // Эксперт Online. 2007. 23 ноября.
9. Rosen J. Privacy strikes back. How to stop cyber-bullies // The New Republic. 2010. November 6. P.10–13.

Литература
